
Татьяна ОКОМЕНЮК

РАССКАЗЫ

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...

Ф. И. Тютчев

Утро понедельника в десятом «Б» начиналось уроком информатики. Не до конца проснувшиеся старшеклассники проводили это время как у бога за пазухой. Одни безнаказанно досыпали, положив голову на компьютерную клавиатуру. Другие о чем-то мечтали, тупо уставившись в монитор. Третьи погружались в недра своих смартфонов, где их ожидали свежие ролики YouTub(a), смс-переписка, чаты и форумы. Девчонки лайкали фоточки и постили гифки с котятами. Парни играли в Counter-Strike и искали свои дома на спутниковой карте. Секрет этой вольницы был прост, как грабли: ребят никто не видел и не слышал. Они находились не в здании школы, а в отдельной постройке. Раньше здесь были производственные мастерские, которые после ремонта учебного заведения перевели в более просторное помещение. Освободившаяся же классная комната превратилась в кабинет информатики и вычислительной техники, или «игровую площадку», как ее окрестили ученики.

Но дислокация помещения была не главной причиной «Гуляйполя» на первом уроке. Ею был учитель информатики Олег Петрович Чистяков по прозвищу Пиксель, пожилой болезненный мужчина, дорабатывающий последний год до пенсии.

Он никогда не повышал голос, не делал ребятам замечаний, не добивался усвоения программы, не настаивал на посещении своих уроков. С любознательными занимался дополнительно, разгильдяев игнорировал, не желая попусту распылять свою психическую энергию.

Движения Чистякова были плавными, реакции — неторопливыми, речь — тихой и монотонной, как у гипнотизера, погружающего пациента в глубокий сон.

Вот и сегодня он молча кивнул на приветствия учеников, неспешно прошел к своему столу и погрузился в изучение справочных таблиц.

До начала урока оставалось еще восемь минут. Соскучившиеся за выходные старшеклассники обменивались новостями. До слуха Олега Петровича то и дело доносились их забавные реплики:

Татьяна Владимировна Окоменюк родилась в 1962 году в Днепропетровске (Украина). Окончила филологический факультет Тернопольского государственного педагогического университета. Публикуется в литературных журналах Германии, Австрии, России, Беларуси, Греции, Бельгии, Франции, Чехии, США, Израиля, Латвии, Украины. Автор 20 книг художественной прозы, изданных в Германии, США и России. Лауреат литературных премий имени: А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, А. Т. Твардовского, Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, святого благоверного великого князя Александра Невского. Живет во Франкфурте-на-Майне.

— Объясняю для дебилов: мобильный сканер тела — это специальное программное обеспечение, превращающее обычный телефон в устройство, способное просвечивать одежду. Скачиваете прогу со специализированного ресурса, активируете ее и спокойно любуетесь голыми девками...

— А что смартфоны? Одни понты! По причине убогого интеллекта, девяносто пять процентов их обладателей не используют и десятой доли имеющихся возможностей, но стадное чувство не позволяет им отказаться от обладания престижным девайсом...

— Лично мне планшет не нужен. Он не удобен. Экран постоянно залапан пальцами. Хардовая начинка не дает возможности ни подогнать его под свои нужды, ни заапгрейдить. А после издыхания батареи вообще дешевле купить новый...

— Память у него — шестнадцать мегабайт. Шестнадцать мегабайт, Карл! Это — не память, это — склероз...

— Он как крутой антивирусник мониторит мою страничку каждые полчаса. Пролайкал уже ее всю от начала до конца. Ну, не муфлон?

«Какие продвинутые нынче юнцы! Погрузились в виртуальную реальность и чувствуют себя там как рыба в воде, — подумал Чистяков. — Да что там юнцы, если мой собственный двухлетний внук уже водит крохотным пальчиком по экрану планшета, самостоятельно запуская просмотр нужных ему мультиков...»

В классе раздался неодобрительный гул, сопроводивший появление высокого худого парня с угревой сыпью на лице и брекетами на зубах. Одет он был в куртку странного покроя и трикотажную шапку «петушок» с надписью «Вижу цель!». Звали юношу Антон Мольченков. В десятом «Б» он был новеньким. Полгода назад вместе с матерью и младшим братом парень перебрался к деду в Энск и за это время так и не сумел стать для одноклассников своим.

— Кульный куртячок! Дашь поносить? А, Моль? — бросил ему Юрка Баев, и все присутствующие гаденько захихикали.

Антон катнул желваками, но промолчал.

— А давайте всей бандой сделаем селфи и сразу запилим его в Inst(y), — предложил Ленька Луценко, доставая из кармана смартфон.

Подростки выстроились у стенки под стендом со схемами управления компьютером.

— Чиииз, — протянул Леонид, но тут же осекся. — Отбой! В объектив попала Моль.

— Испортил фотку, чмошник! Уползай из кадра! Че залип, опарыш? Шевели поршнями! — загомонили ребята.

Нервно дернув плечом, Мольченков отошел к окну.

— Чиииз, — повторил Луценко.

Все растянули губы в резиновой улыбке и растопырили пальцы, изображая «victory hand».

Прозвенел звонок. Чистяков оторвал взгляд от справочной литературы.

— Кто сегодня дежурный? — поинтересовался он, раскрывая классный журнал.

— Я, — крутнулась на подъемно-поворотном стуле Ира Богатырева.

— Кто отсутствует на занятиях?

Беглым взглядом девушка окинула присутствующих.

— Черкасова и Затонская болеют, Черняка забрали на соревнования, Салтаев на разборках в кабинете директора, и... Вовка Игошин... Этот, может, еще подойдет...

— Было бы очень мило с его стороны, — едва слышно произнес учитель, записывая на доске тему урока. — Сегодня мы будем заниматься кодированием графической информации.

— Не будем! — раздался возбужденный голос Мольченкова. — Тема нашего сегодняшнего урока: «Учимся отвечать за базар».

— Что, простите? — вскинул седые брови Пиксель, называвший свое пребывание в десятом «Б» театром одного актера. Появление второго его несколько озадачило.

— Йеееес! У нашего селфи уже шесть лайков! — дернул вниз ручку воображаемого паровозного гудка Леняка Луценко.

Его восторга никто не разделил. Все заинтригованно смотрели на новенького. Тот включил на смартфоне функцию видеозаписи и, поместив его в специальное наголовное крепление, натянул конструкцию на свою башку. Не иначе, хотел занять руки чем-то другим.

— Утро перестает быть томным, — хихикнул Витька Окуньков. — Наша Моль дает гастроль.

— Молчать! — рявкнул Антон, доставая из правого кармана пистолет Макарова — именное наградное оружие своего деда-отставника. — Сейчас я буду вас судить. Публично. Пост об этом в Kaleidoskop уже запилен. Ведите себя прилично — идет онлайн-трансляция.

— Ты че, плана обкурился? Спрячь свой пугач, удолбыш! — пробасил Юрка Баев.

— Пугач? — оскалился Мольченков и тут же выстрелил в сторону информационного стенда с выдвижным стеклом. Последнее разлетелось вдребезги, ранив осколками Никиту Кулика, сидевшего ближе всех к выбранной Антоном мишени. Увидев, как обгадется кровью рукав его белого джемпера, Никита сделался бледным, как вампир.

Чистяков облизал мгновенно пересохшие губы, дважды пшикнул себе в рот из ингалятора и со словами «Парень, ты уже борщишь!» пошел прямо на Мольченкова. Последний выхватил из кармана гранату и, подняв ее над головой, процедил сквозь зубы:

— Не втыкайтесь в наши терки, Петрович! Не толкайте на беспредел — в моем расстрельном списке вас нет. Если сейчас же не сядете рядом с подсудимыми, все вместе взлетим к праотцам.

Кадык мужчины нервно задергался, по щеке скользнула судорога. Медленно, как сомнамбула, он двинулся к раненому Кулику. Снял с себя галстук, наложил парню жгут на нижнюю треть плеча и тряпичной куклой упал на свободный стул.

Антон тем временем взошел на подиум и сел на место Чистякова, положив перед собой гранату и пистолет.

— А сейчас все выстраивайтесь полукругом, лицом ко мне!

Ребята, сидевшие по периметру класса — лицом к компьютерам и спиной друг к другу, — съехались на своих «роликовых» стульях в центр комнаты. Повисла тишина, нарушаемая лишь свистящим дыханием Пикселя.

— Что ж, приступим к суду чести... — начал Антон, но тут раздался скрип дверных петель, и в образовавшейся щели показалась голова в цветастом платке.

— Че у вас тут бабахает? — поинтересовалась техничка баба Зина. — А, Олег Петрович?

Не получив ответа, женщина просочилась в помещение.

— О! Это ж кто так нагадил? — уставилась она на устилающие пол осколки и белую штукатурную пыль. — Тут же было стерильно, как в операционной, сатаноиды вы желтоглазые! А че кружком уселись, как эти... анонимные алкоголики?

— Шла б ты, баб Зин, по своим делам, — посоветовал ей Мольченков. — Не мешала бы правосудию...

— А кого судют-то? — поинтересовалась уборщица, поправляя на необъятной груди синий рабочий халат.

— Да скотов одних, — кивнул он подбородком в сторону одноклассников, — не привыкших держать ответ за свой базар.

Подслепогато прищурившись, женщина наконец разглядела, что за учительским столом сидит не Чистяков, а какой-то чудик со странной конструкцией на голове.

— А-а-а, — протянула она понимающе, — спектакль репетируете... Не буду вам мешать. Токо свинство свое ликвидируйте. У меня руки не казенные без конца за вами подтирать.

Техничка развернулась и, похрустывая осколками, потопала к двери.

— Баб Зин... звони ментам... — севшим голосом просипела Ларка Матвеева. — Моль — террорист, он убьет нас... — но та ее не услышала.

— Разъясняю всем присутствующим и сочувствующим, — зазвенел металлом голос парня. — Я не террорист, не принадлежу ни к каким группировкам, не беру заложников, не выдвигаю требований. Левые жертвы мне на фиг не нужны. Я восстанавливаю справедливость, наказываю виновных, творю суд чести... Те из подсудимых, кто станет на колени и искренне попросит прощения за все свои мерзости, останутся в живых. Даю слово DEMONa ADA. Кто не в курсе, это — мой никнейм с юзерпиком бронированного монстра.

— Банда! Наше реалити в Kaleidoscop(e)... уже заюзали в лохмотья. Каментов — хренова туча, — возбужденно выкрикнул Ленька.

— Дай сюда телефон! — приказал ему Мольченков. — Быстро!

Опасливо косясь на гранату, Луценко выполнил команду.

Антон впился взглядом в дисплей. По телу парня прокатилась горячая волна адреналина. Возбужденные комментаторы бушевали и неистовствовали:

Чучело-Мяучело

Еще один переиграл в онлайн-игры. Пора вязать болезного. Барбухайка — на выезд!

Вылысыпыдыст

+500. У чела кукушка поехала — сезонное обострение.

Чумавой динозавр

Не наезжайте на чувака. Пусть действует. Маманька мне как раз тазик попкорна подогнала.

Шаман-наркоман

Не впрягайся за конченого. Пока не было соцсетей, только близкие знали, что ты — дебил.

Толик Алкоголик

Ниче не дибил. Око — за око, зуб — за зуб! Респектабль!

Трусы_На_Заборе

Пральна! Нужна ответочка. Другим неповадно будет!

Я Бох Ты Лох

Я DEMONa знаю. Он с моей бабулей по соседству живет. Это — Тоха Мольченков из четвертой школы. Он вроде нормальным был. Хотя...

Дедушка с веслом

Ставлю Мерс против слепой лошади, что DEMON ссыканет довести вендетту до победного конца.

Жирная но мирная

Вы че, бараны, творите? Вы ж этого невменька конкретно подстрекаете. Он и впрямь может всех замочить.

Чучело-Мяучело

Лайк. Кста, кто-нить ментам маякнул? Там же дети!

Блоха в скафандре

Не дети, а сволочи, троллившие лолика полгода. Дедовщина на-ка-зу-е-ма!!!

Антон самодовольно хмыкнул: «Вот ты какой, мой звездный час!» Он много раз прокручивал эту сцену в своем воображении и сейчас испытывал настоящий кайф, ни с чем не сравнимое удовольствие от вкушения блюда, которое подают холодным. Парень чувствовал себя киношным мстителем, отстаивающим справедливость. Им восхищались, ему сочувствовали, его оскорбляли. И было совсем неважно: хула звучит в его адрес или похвала. Главное — он был в центре внимания молодежного сообщества. И сообщество это сучило ногами в предвкушении «развития сюжета».

— Так вернемся же к нашим баранам... — произнес Мольченков, постукивая по столешнице рукояткой «макарыча».

На мгновение его взгляд задержался на латунной пластине с лазерной гравировкой: «Майору Мольченкову А. В. за доблесть, честь и отвагу». У него с дедом одинаковыми были не только фамилии, но и инициалы. «Это — знак свыше, — решил Антон. — Само провидение указывает на то, что никакая я не моль. Я — крутой чувак, и лошить меня — себе дороже».

— Начнем с левого фланга — Твой выход, Луц!

Слабо веря в серьезность намерений одноклассника, Луценко вышел на середину класса, положил руку на воображаемую Библию и с пафосом произнес:

— Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды!

— Отставить клоунаду! — рявкнул Антон. — На колени, придурок!

Парню очень не хотелось унижаться. Он был не последним человеком на русскоязычных видеохостингах. Один его ролик даже попал в тренд, за три дня собрав на YouTube полмиллиона просмотров. Ленка, как никто другой, знал: в Интернете ничего не спрячешь. Если однажды там пукнул — это презент на века. Стоит ему сейчас расшаркаться перед Молью, и репутацию уже не восстановить.

— Не тупи — шархну, — прошипел теряющий терпение Мольченков.

— Собрался — так стреляй. А то разговариваешь и разговариваешь, — процитировал Леонид героя вестерна «Хороший, плохой, злой».

Антон выстрелил в пол в двух сантиметрах от ноги «подсудимого», и тот как подкошенный упал на колени.

— Грешен, многогрешен, — прогундосил Ленка, уставившись в отверстие, которое проделала в линолеуме пуля. — Прошу прощения за все...

— За что конкретно?

— За... я не помню...

На губах Мольченкова застыла презрительная улыбка.

— Хорош Павлика врубать! Покайся, и все будет адидас.

— Я... — задумался Ленка, — В столовке плюнул в твою тарелку... Стебался над твоими фотками Kaleidoscop(e), писал в каментах, что ты — олень тупорылый, мастдайщик и терпила лопухий... Когда ты зарегистрировался в группе трансовиков, обзывал тебя дебильным кислотником...

— Еще!

— Когда завучке кто-то слил наше намерение прогулять контрошу и она нас запарила, я сказал, что именно тебе надо настучать по хлебалу и вместе с другими пацанами нассал в твой рюкзак...

— Еще!

— Раздавил ногой твою флешку... Притырил твоё зарядное устройство... Советовал тебе прыгнуть с крыши многоэтажки... Прости меня, Моль, я раскаиваюсь.

— Не моль я тебе, а Антон Вадимович. Повтори, козел педальный!

Луценко нервно заерзал, но возражать не стал.

— Раскаиваюсь, Антон Вадимович. Больше не повторится.

— Пшел вон! — махнул рукой Мольченков после некоторой паузы. — Следующий!

Никто даже ухом не повел.

— Че гасишься, Мороз, выходи на правеж! — бросил Антон Тимуру Морозовскому.

Тот встал, но с места не сдвинулся — передняя часть его брюк от паха и до колен была совершенно мокрой.

— Вот такие вы у нас крутевичи! — ехидно хохотнул «судья». — Как всей стайей одного долбашить, так смелые. А как ответочка прилетела, так кипятком мочитесь! Ладно, пропустим пока твой ход, обтекай...

По кабинету прошелестел ропот негодования, но одернуть распоясавшегося одноклассника никто так и не решился.

— Ваш выход, мадмуазель Матвеева, — недобро прищурился Антон.

— Никуда я не пойду, — взмахнула наращенными ресницами первая красотка класса.

— Куда ты денешься, овца клонированная! — и юноша выстрелил в ее сторону.

Пуля пролетела над головой Ларисы, угодив в корпус графопроектора — дзеннь.

— Следующая продырявит твою тупую башку.

Нервно теребя сережку, девушка направилась на место «правежа» и едва слышно произнесла:

— Излагай свои претензии.

— На колени, живо!

Ларка не двигалась. Гордость не позволяла ей выполнить приказ парня, которого она глубоко презирала.

Мольченков направил пистолет прямо ей в голову.

— Считаю до трех. Ррраз... Два...

Глаза Матвеевой наполнились слезами унижения, и она медленно опустила на колени.

— Я... прикалывалась над твоей татушкой, — едва слышно прошептала она. — Когда ты фотки запилил в Inst(y), написала в комментах, что ты — атомный красапета и... везде отсвечиваешь в одних и тех же шмотках. Когда ты смс-ками стал меня доставать, я сделала скриншоты... и выставила их на всеобщее обозрение.

— Зачем? Хотела за счет моей симпатии заработать дополнительные очки?

— Нннет... чисто поржать...

Мольченков был обескуражен бесхитростным ответом красотки и слегка растерялся.

— Ларка что, оговорила тебя? Высосала из пальца что-то несусветное? Нет! — подал голос главный обидчик Антона качок Баев. — Ты замутить с ней хотел? Хотел! Татушка твоя лоховская? Лоховская! Одежки олдовые юзаешь? Юзаешь! Так какого пристебался к девчонке? Каждый чел имеет право на собственное мнение.

Крыть было нечем. С Матвеевой пришлось закруглиться — не хватало еще прослыть беспредельщиком, у него ведь не суд Линча, а «суд чести».

— Извиниться не хочешь? — обратился он к девушке.

— Из-ви-ни, — процедила она сквозь зубы.

— Свободна, как беспроводная мышь!

Ларка поднялась с колен и, глядя себе под ноги, направилась на «скамью подсудимых».

— Ну че, адвокат, дошла и до тебя очередь? — обратился Антон к Баеву. — Шагай сюда!

— Ща, только копыта подобью, — почесал тот крепкий, как кувалда, подбородок.

Юрка развалился на своем стуле, широко расставив ноги и скрестив на груди руки. Парень вел себя так, будто все происходящее его не касается. Это вывело Мольченкова из себя и со словами «Объем бицепса не влияет на скорость полета пули» направил на Агеева ПМ.

— Завидууй молча, дрыщ бухенвальдский, — хохотнул тот в ответ, перекатывая во рту жвачку.

— Незачет, — зазвенел от напряжения голос Антона. — Передай своим родакам последний привет.

На лице Баева не дрогнул ни один мускул. Он встал на ноги и помахал в камеру рукой.

— Пап-мам, это я! Наша Моль пропустила прием у мозгоправа и слетела с катушек...

— Разнесу черепушку! — перебил его пребывающий на грани срыва Антон.

— Разноси! Че залип? Очкуешь?

Раздался выстрел. Пуля попала юноше в горло. Из разорванной артерии на сидящую рядом Ирку Богатыреву фонтаном ударила кровь. Та пронзительно закричала и тут же лишилась чувств. Увидев окровавленных одноклассников, Рита Сырина в безумном порыве бросилась к двери.

Переполненный адреналином Антон машинально выстрелил по движущейся мишени. Взмахнув руками, девушка рухнула на осколки разбитого стекла. Образовавшаяся под ее телом темно-красная лужа стала медленно растекаться по линолеуму.

Чистяков схватился рукой за левую половину груди. «Подсудимые» разом оцепенели, поняв, что Моль не блефует. Что «суд чести» — не шутка и не игра, это — публичная казнь.

Антон тем временем пытался взять себя в руки. От напряжения и страха внутри у него все вибрировало. Стараясь не смотреть в сторону распластавшихся на полу одноклассников, он придвинул к себе Ленкин телефон и уставился в ленту комментариев. Внимание к «реалити-шоу» не ослабевало:

Виртуальная Сопля

Один покоялся. Прав был Аль Капоне — добрым словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом. Гыыы...

Дедушка с веслом

Зуб даю: застремается и соскочит.

Чучело-Мяучело

Поздно соскакивать. Следи за сюжетом.

Ты Сдох-Мнепох

Первый пошел! Гаси остальных! Господь своих узнает.

Ляськи Масыськи

Клюв прищелкни, обсос! А вы, модеры, куда смотрите? Почему не баните подстрекателей?

Хрум-Хрумыч

Ох, ты ж йопт... И правда щмальнул...

Доктор Зло

Вторую мочканул. Кааапец! Кровищи-то сколько!

Глиста в скафандре

По DEMONу плачет каторга.

Чучело-Мяучело

Ну, хоть кто-то. Родаки, походу, на него болт забили.

Я Бох Ты Лох

+100. Папашка от них сдристул сразу, как узнал, что у младшего — ДЦП. Мать — неотлучно при калеке, ей совсем не до Тохи, а дед сейчас в госпитале лежит — его на пешеходном переходе сбил джип местного мажора. Толковый дядька, между прочим, — военный пенсионер с кучей наград.

Вылысытыдыст

Так он что, дедовский пестик спер, пока тот в больняке валяется? Вот ушлепок! Интересно, сколько патронов в обойме этого «ПэЭма» — 8 или 12, как у модернизированного...

Гамадрила

По итогам узнаем. ПравохрЕнители уже в курсе. Ща эту Чикатилу стреножат, а потом ошкурят.

У парня задержалась щека, лоб покрылся холодной испариной. Откуда-то из глубины желудка стал подниматься страх, холодный и липкий, как змея. Похоже, сообщество его недопоняло. Никакой он не Чикатило. Он — Робин Гуд, Монте-Кристо, Тиль Уленшпигель. Благородный мститель, защитник поруганной чести, рыцарь возмездия...

Антон не знал, что делать дальше. Ему хотелось прекратить трансляцию и убежать куда-то далеко, надежно спрятаться и никогда не покидать своего укрытия, но было поздно. С выстрелом в Агеева точка невозврата была пройдена. О нечаянном убийстве Риты Сыриной ему даже думать не хотелось. Опять же, онлайн-трансляция, будь она неладна. Пойди он сейчас на попятную, будет выглядеть труслом, бездарно сдувшимся на полпути. Стало быть, обратной дороги у него нет.

Печальные размышления Мольченкова прервало появление «персонажа, не заявленного в программе».

— Всем пис, мейк лав, нот вар и все такое! — с джинсовым рюкзаком на плече и наглой улыбкой на губах на пороге стоял Вовка Салтаев — хулиган, прогульщик и двоечник, хроническая головная боль педколлектива. — Прошу соряна за опоздание — дерик уже задрал меня своим отчислением...

Вовке никто не ответил. В классе стояла гробовая тишина.

— А че табло у всех такое кислое? — обратился он к поигрывающему пистолетом Антону. — Чем занимаетесь?

— Ужастик снимаем, — нашелся тот. — «Расстрельный список» называется.

Салтаев бросил недоуменный взгляд на одноклассников и, только прикрыв за собой дверь, увидел лежащую в луже крови Ритку Сырину, раненого Никиту Кулика, белого, как таблетка аспирина, Чистякова...

Парень протер кулаками глаза. Видение не исчезло.

— Че ж за день седня такой... высадный, — сплюнул Вовка себе под ноги, сбрасывая с плеча рюкзак. — Зашквар за зашкваром. Хотел же прогулять вместе с Игошным, так нет — приперся, фантик ушастый, — и тут же швырнул свой рюкзак Антону в лицо.

Мольченков грохнулся на пол вместе со стулом. Пистолет отлетел в сторону, граната покатила по линолеуму.

Пребывающие в шоковом состоянии ребята обреченно наблюдали за движением взрывного устройства, не пытаясь даже шевельнуться.

Граната ударилась о стену и остановилась. Взрыва не последовало.

— Учебная! — заорал Салтаев. — Бегом все отсюда! — и бросился на Антона, пытающегося достать из-под стола залетевший туда ПМ. Завязалась драка. Вовка уже почти вырвал пистолет из рук одноклассника, но тот умудрился вывернуться.

Помещение наполнилось возбужденными голосами и громким топотом. Это пришедшие в себя ребята спешно покидали кабинет информатики, и никто из них не бросился Вовке на помощь.

Один за другим раздались два выстрела. Наступила зловещая тишина. Тяжело дыша, Антон поднялся на ноги и оглядел «поле боя».

Рядом с учительским столом с зияющей раной во лбу неподвижно лежал Вовка Салтаев. Рот парня был перекошен презрительной ухмылкой, широко открытые глаза невидяще смотрели на закрепленный под потолком демонстрационный телевизор.

В центре комнаты, среди перевернутых стульев, в большой луже крови, лежал Юрка Баев с прилипшей к верхней губе жевательной резинкой. Рядом с ним — так и не пришедшая в себя Ирка Богатырева.

Слева, откинувшись назад, на подъемно-поворотном стуле сидел Олег Петрович. Немигающим взглядом он сверлил классную доску с написанной на ней темой урока: сердце учителя не выдержало «суда чести».

В двух шагах от двери на усыпанном битым стеклом полу скрючилась Рита Сырина. Одна ее рука была согнута в локте, другая тянулась к выходу — чуть-чуть, и успела бы выскочить...

Глаза Антона наполнились ужасом. Что он наделал! Из погибших по его вине людей в расстрельном списке был только Баев. Остальные ни в чем не были виноваты. Ни Пиксель, ставивший ему тройку за одно только присутствие на своем уроке. Ни тихоня Рита Сырина. Ни добродушная толстуха Ирка Богатырева, всегда дававшая ему списывать. Ни редко посещавший школу Вовка Салтаев...

— Я не хотел этого! — срывающимся голосом выкрикнул Антон. — Не хотел никого убивать! Я хотел их напугать, унижить, заставить просить у меня прощения... Юрка меня спровоцировал... Вовка на меня напал, я вырывался... Он сам надавил на мой палец... А в Риту... я выстрелил нечаянно... Не знаю даже, как это получилось...

Юноша поднял с пола Ленкин телефон, сел за стол, обхватил голову руками. В это мгновение пискнула эсэмэска. Мольченков бросил взгляд на дисплей. «Сынка, ты в порядке?» — волновалась мать Леонида. Спустя несколько секунд дуэтом отозвались телефоны Ирки и Риты. «Стало быть, все уже в курсе», — с досадой констатировал Антон.

Нервно хрустнув пальцами, он стал закрывать приложение и случайно нажал на значок «Фото». На экране появился коллективный снимок десятого «Б», сделанный Леонидом за минуту до начала урока. Счастливые и беззаботные ребята скалили зубы, гримасничали, ставили другу рожки, не догадываясь, какая драма их ждет впереди.

Сейчас Антон отдал бы все на свете за возможность вернуться назад. В то мгновение, когда его одноклассники выстраивались у стены кабинета в ожидании Ленкиного «чиизз». «Как жаль, что нельзя прокрутить фарш обратно», — подумал он, возвращаясь в Kaleidoskop.

Лента комментариев продолжала бурлить:

Альфа-самец

Вот это жест! Правду говорят: бегать от снайпера глупо — просто умрешь потным.

Виртуальная Сопля

Адский ад! Если бы мой наследник такое утворил, я б его своими руками... как Тарас Бульба...

Жирная но мирная

Люто плюсую! Таких маньяков нужно четвертовать на главной площади города.

Сутулая собака

И мамашку его недоделанную, воспитавшую такую мразь.

Баба в КеДах

При чем тут эта бедная тетка? Ее и так жизнь наказала: мужик бросил, отец — в лазарете, малый — тяжкий инвалид, старший — монстр, заслуживающий пожизненного где-нибудь в Гуатанамо...

Вежливый снайпер

Не надо огульничать. Издевательствами и травлей любого можно довести до точки кипения.

Гамадрила

Ребят, канеш, жалко, но они сами виноваты — не хрен было травить долбоежика.

Глиста в скафандре

А учитель признаков жизни не подает. Походу, кони двинул.

Я Бох Ты Лох

Не втыкаю: он че, троих укнукал?

Жуткость Тормозная

С учителем — четырех. Плюс девка, которая в обморок брякнулась... Может, у нее — разрыв сердца...

Трусы_На_Заборе

По-любасу, пацан отхватит максималку, если родаки убитых не порвут его на портянки.

Хомяк-убийца

Если за вами прибежал кто-то белый и пушистый, все кончено — это песец. Психу только и осталось, что самовыпилиться.

Антон растерянно смотрел на дисплей, его плечи мелко подрагивали. В магазине дедовского ПМ'а оставался последний патрон. Вытащив из наголовника смартфон, парень зажал его в левой руке, собираясь отснять заключительный кадр своего «Расстрельного списка»...

Короткий выстрел, звонок с урока и сирены машин экстренных служб прозвучали одновременно.

СОСЕД

Легко любить все человечество —
Соседа полюбить сумеи.

Кайсын Кулиев

Илью Петровича Баранца в подъезде не любили. Да что там не любили — ненавидели. За скверный характер, крайнюю неуживчивость, нетерпимость к чужим недостаткам. И кличку ему дали соответствующую — Мизантроп. Оно и понятно: пенсионер был в постоянных контрах с соседями. Особенно с теми, кто, по его мнению, «спецом нарушал тишину и порядок».

А таких было море разливанное. В одних квартирах жили собаки, не закрывающие свои пасти ни днем, ни ночью. В других — оружие младенцы. В третьих — юные музыканты, разучивающие гаммы во время полуденного сна Ильи Петровича. В четвертых — подростки, из окон которых на весь двор разносились «дебильные буги-вуги». В пятых — холостяки, имеющие наглость водить на ночевку девиц «нетяжелого поведения», которые «визжат во время секса, как мартовские кошки».

До всего Баранцу было дело. До странного запаха из-под двери уринолога Хаврулина. До шумной очереди, тянущейся к квартире местной гадалки — бабки Зинаиды. До семейных склок семьи Гуксаев. До двадцать седьмой квартиры, которую сняли какие-то подозрительные типы: «вдруг там террористы разрабатывают свои

богомерзкие планы?» До сына председателя ТСЖ Варвары Ключевой, который, пока мать на работе, собирал у себя дружков-наркоманов — «глаза-то у них — вон какие мутные». До отставника Волобуева, чистящего обувь вонючим гуталином прямо на лестничной клетке. До коллекционера часов Марка Гайсинского, чьи экспонаты каждый час отбивали столько ударов, сколько они показывают...

Дед Баранец писал жалобы, судился, скандалил, мелко пакостничал. А чем ему еще заниматься на заслуженном отдыхе? Жену он похоронил семь лет назад, с «сыном-негодяем» практически не общался, с невесткой и внуком вообще не был знаком, друзьями-приятелями не обзавелся. Да и что это за дружба со «старперами»? У них все разговоры о том, какие они лекарства сейчас принимают да какую операцию недавно перенесли. Так что Баранцу только и оставалось, что стоять на защите общественного порядка и бдить.

А бдить он умел, как никто другой. В прошлом Илья Петрович был начальником оперативной части в местном СИЗО. «Кума» Баранца арестанты боялись больше, чем начальника тюрьмы. За годы службы у него не случилось ни одного побега, ни одного бунта, ни одного ЧП. Не потому, что везло, а потому, что он вовремя предотвращал потенциальные безобразия. А такие навыки не пропьешь. Опер — не профессия, это — диагноз.

Бесконечные скандалы с Баранцом, по малейшему поводу вызывавшего участкового, наряд милиции, теток из органов опеки, репортеров с телевидения, представителей общества защиты животных, экологов из «Зеленого спасения», отравляли жизнь окружающим, и жильцы подъезда объединились против Мизантропа.

Они выдавливали в замочную скважину соседа клей «Момент», мочились на его дверной коврик, забрасывали к нему на балкон всякую гадость, опускали в почтовый ящик письма с советом переселиться в дом престарелых, а лучше — в психушку, писали на его двери оскорбительные слова. Не мелом писали, а краской. От души, что называется.

Изнывающий от безделья пенсионер составил список предполагаемых диверсантов и методично «мочил» подозреваемых.

На джип уринотерапевта, нагло припаркованный под балконами, он сбросил увесистую картофелину. Сработала сигнализация. Хаврулин вынужден был среди ночи бежать во двор, чтобы разобраться с непоняткой. И так три раза.

Сыну Ключевой Илья Петрович проколол колесо дорогого велосипеда. На брата Вардана Гуксяна, уже полгода жившего у него без прописки, наступал участковому. Гадалке Зинаиде бросил в ящик «предупреждение» из «налогового управления», где сообщалось, что незаконная предпринимательская деятельность и уклонение от налогов влекут уголовную ответственность и караются наложением крупного штрафа с ограничением свободы.

На доску объявлений мужчина повесил «Петицию от жильцов дома напротив», адресованную хозяйке визгливых болонок, «престарелой жиличке квартиры № 16». Она гласила: «Женщина, у вас такая стремная фигура, а вы ходите по дому голая. На вас противно смотреть. Повесьте наконец плотные шторы и не включайте в квартире свет. Из-за вас наши дети весь вечер сидят с биноклем на подоконнике».

Вскоре боевые действия прекратились в связи с отъездом Баранца в санаторий. Как выяснилось, в одностороннем порядке. За время отсутствия пенсионера соседи не поспешили на ответные меры. Кто-то раскурочил его почтовый ящик, кто-то нацарапал на двери голую задницу, подписав свой «шедевр»: «Нора Мизантропа». Кто-то залил дверной глазок силикатным клеем. Кто-то свинтил со стены дверной звонок.

Последнее потрясло Илью Петровича до глубины души. Звонок был дорогим, беспроводным, работающим от батареек. «Вас бы, сволочей, — да в Саудовскую Аравию, — негодовал он. — Тамошние талибы за воровство вам мигом бы руки поотрубали».

Баранец разобрал чемодан, заварил кофе. За окном беспрерывно гроыхала строительная техника: бах-бах-бах, бах-бах-бах, бах-бах-бах...

«Это еще что такое? — возмутился мужчина, выходя на балкон с чашкой любимого напитка. — Стоит на пару недель отлучиться, и возвращаться уже некуда — вокруг вселенский хаос».

Во дворе в это время кипела «стройка века»: рабочие в синих комбинезонах сносили забор, меняли асфальт, вывозили на грузовиках мусор, реанимировали детскую площадку.

— То ли выборы внеочередные грядут, то ли мэра наконец за жабы взяли, — предположил Баранец вслух.

— Похоже на то, — ответил ему незнакомый голос с соседнего балкона. — Они в три смены пашут. Даже ночью.

От неожиданности Ильи Петрович выронил из рук чашку. Ударившись о бетонный пол, та разлетелась на куски.

Когда он уезжал в санаторий, квартира слева была пустой. После того как год назад Баранец выжил оттуда мать-одиночку с вечно орущим ребенком, никто ее больше не снимал — спасибо соседям за антирекламу. Стало быть, отыскался смельчак, чувствующий в себе силы ежедневно бодаться с блюстителем тишины. Ну, и кто же это такой?

Мужчина подошел к краю балкона, высунул голову за гофрированную пластиковую перегородку. На картонном ящике из-под компьютера сидел субтильный парень лет двадцати пяти с рыжими, небрежно выбритыми на висках волосами и сосал какой-то странный предмет: не то газовый баллончик, не то зажигалку. Одет он был в рваные джинсы и дырявую, обтрепанную по краям футболку с рисунком, имитирующим кровавое пятно. Ни дать ни взять — бомж с теплотрассы.

— Ты кто? — агрессивно поинтересовался пенсионер.

— Герман Бордюжа. Можно Гера. Ваш новый сосед.

— Ну и фамилия, — покачал тот лысой головой.

— Вы, положим, тоже не граф Шереметев, — парировал парень, ничуть не смутившись, — а вредный дед Баранец по кличке Мизантроп.

От наглости «оборванца» у Ильи Петровича пропал дар речи.

— Если что, я без наезда. Просто констатирую факт, — миролюбиво улыбнулся Герман и выпустил одновременно изо рта и носа густые струи дыма.

— Посадишь жабы — новые не вырастут, — презрительно скривился мужчина. — Торчок, что ли?

— Не торчок, а вейпер. Я вейп парю.

— Что ты паришь?

— Электронную сигарету. Курить бросаю. Никотиновая жвачка не помогла.

Баранец недоверчиво прищурился. Только наркомана ему под боком и не хватало. Уж лучше бы ребенок плакал. Тот хоть ножом не пырнет. Хотя... Нынче такие детки...

Уснуть этой ночью ему не удалось. Несмотря на то, что дед вставил в слуховые отверстия беруши, уличные звуки проникали в самый мозг, доводя его до иступления. Почти до трех часов под окнами скрипело, тархтело, вибрировало. Переругивались рабочие, заменявшие кусок поврежденной ограды. Туда-сюда ездил каток, что-то утамовывая в темноте.

А утром Бордюжа стал делать дырки в стене. У Ильи Петровича бешено застучало на висках. Шум работающего перфоратора сводил его с ума. Он был куда противнее звука строительных тархтелок. Противнее боя «курантов» коллекционера Гайсинского. И намного противнее клаксона хаврулинского автомобиля.

От непрекращающейся вибрации со стены пенсионера сорвалась полка с книгами, а чуть позже вылетела из гнезда розетка. Это стало последней каплей, переполнившей

чашу терпения Баранца. Он ринулся на лестничную клетку и стал пинать ногами дверь Германа.

— Сколько ты еще будешь издеваться над соседями? Твое «глубокое бурение» уже превратило стену в дуршлаг! — проорал он появившемуся на пороге парню.

— А в чем, собственно, дело? — изумился тот. — По закону нельзя нарушать тишину с двадцати двух до восьми утра, а также по выходным и праздникам. В остальное время вам придется мириться с потребностями соседей, поскольку живете в *многоквартирном* доме. Так что лечите свою нервную систему или переезжайте жить за город, — и дверь Бордюжи захлопнулась.

Впервые за последние двадцать лет Илья Петрович растерялся. «Справиться с этим дрыщем будет совсем непросто», — констатировал он, прикручивая розетку на место.

Перфоратор оказался только началом «праздника непослушания», за которым последовали дробь молотка, скрежет ножовки по металлу и рев пылесоса. «Розочкой на торте» стало новоселье, на которое набилось человек двадцать «отъявленных отморожков» — алкашей, наркоманов и просто бандитов, которых следовало удушить еще в детстве».

Гости Германа беззастенчиво троллили деда Баранца: хохотали во всю глотку, звонили пустыми бутылками, танцевали, исполняли песню Александра Новикова:

Куда девался кляузник сосед?
Жить без него берет меня кручина —
Ведь на меня давно управы нет.
Такая вот для кляузы причина.

Сначала Илья Петрович стучал им по батарее, потом кричал на них через балконную перегородку, а в 22.01 вызвал наряд милиции. Прибывшие правоохранители ткнули ему в нос объявление, предусмотрительно вывешенное внизу Бордюжей. В нем последний приносил соседям извинения «за возможный шум, связанный с празднованием новоселья в ближайшую субботу».

— Вот что, уважаемый, — устало вздохнул старший группы, уже в который раз являющийся по сигналу Баранца. — Займите себя чем-нибудь полезным: собаку заведите, книгу почитайте, мемуары, в конце концов, начните писать. Нам что, больше делать нечего, как без конца гонять в ваш подъезд? По пустячным вопросам морочьте голову своему участковому! Еще раз позвоните — оштрафуем.

— Так наркоманы же! — взревел потрясенный мужчина. — Асоциальные типы! Хулиганье из подворотни!

— Не сочиняйте, дедуля. Нормальные ребята. В основном студенты. А Герман Бордюжа — звукооператор. Работает на городской студии звукозаписи. Остальные соседи никаких претензий к нему не имеют.

— Ладно, — прошипел Баранец в спины удаляющейся тройце. — Сам справлюсь.

С этого момента для Ильи Петровича другие жильцы перестали существовать. Все свои силы он сосредоточил на Германе. Мужчина завел дневник наблюдений за неприятелем, скрупулезно записывая туда время его прихода, ухода, отхода ко сну, с кем и сколько тот беседует по телефону.

Стены панельного дома, в котором проживали Бордюжа с Баранцом, были настолько тонкими, что каждый из них слышал не только разговоры, кашель и храп соседа, но и точно знал, сколько раз за ночь тот спустил воду в туалете и какой фильм сейчас смотрит. Все как в анекдоте: «Заезжаю в новую квартиру, думаю: „Интересно, здесь хорошая слышимость?“ — „Очень“, — отвечает сосед из-за стенки».

Полное отсутствие конфиденциальности провоцировало конфликты. Немудрено: один — жаворонок, другой — сова. Один хочет послушать музыку, другой — поспать.

Один — интроверт, обожающий тишину, другой — рубаха-парень, оживающий лишь в компании многочисленных друзей.

Герман с Ильей Петровичем оказались полными антиподами — людьми с разными биоритмами, разными темпераментами, разными предпочтениями, но... с очень похожими характерами. И тот и другой умели за себя постоять.

Следующая «стычка поколений» произошла через два дня, когда Бордюже подключили Интернет. Тогда-то пенсионер по-настоящему понял, что такое «непрекращающаяся какофония». Герман слушал тяжелый рок, болел по компьютеру за любимую футбольную команду, играл с реальными соперниками в онлайн-игры, общался по скайпу со всем белым светом. Вел себя так, будто жил в бункере, а не в панельке с «папирусными» стенами.

Из-за него Илья Петрович, смотревший по вечерам «Ментовские войны», перестал понимать: кто в очередной серии — плохие парни, а кто — хорошие ребята. Старик стучал соседу в стену, звонил ему в дверь. В конце концов написал письмо угрожающего содержания и забросил его на балкон Бордюжи.

Ответ на свое послание мужчина обнаружил, «не отходя от кассы». На бельевой веревке, рядом с трусами и майками Германа, висел закрепленный прищепкой плакатик: «Дед, иди в баню!»

Наутро Баранец подстерег молодого человека на лестничной площадке и уже набрал полные легкие воздуха, чтоб изрыгнуть всю бурю своего негодования.

— Можете жаловаться на меня в ООН, Европейский суд по правам человека и даже папе римскому, — произнес молодой человек, вставляя пенсионеру в руки согнутый вчетверо листок. — Но лучше молитесь. Говорят, помогает.

На листке оказалась отпечатанная на принтере «Молитва человека пожилого возраста»: «Господи, ты видишь, что я состарился. Удержи меня от рокового обыкновения думать, что я обязан по любому поводу что-то сказать. Спаси меня от стремления вмешиваться в дела каждого, чтобы что-то улучшить. Охрани меня от соблазна детально излагать бесконечные подробности моей жизни. Опечатай мои уста, если я захочу повести речь о недостойном поведении молодежи. Не осмеливаюсь просить тебя улучшить мою память, но приумножь мое человеколюбие, усмири мою самоуверенность, когда случится моей памятьливости столкнуться с памятью других. Аминь».

«Какая наглость! — выдохнул Баранец. — Да я до сих пор без очков читаю! И зубы у меня все свои. А память такая, что фору дам десятку подобных дрыщей. Ишь, проповедник нашелся!»

Пока Бордюжа был на работе, Илья Петрович отсыпался. С возвращением же парня домой он удалялся в парк на прогулку, что позитивно сказывалось на его самочувствии. «Может, и впрямь собаку завести? — раздумывал пенсионер во время променада. — Появился бы стимул вечернего топтания аллей, а в случае необходимости пса можно было бы натравить на вейпера... Хотя нет. Собачьего лая в квартире я точно не вынесу. Не обвязывать же скотчем песью морду...»

После прогулки Баранец ужинал, садился за письменный стол и, вслушиваясь в звуки за стеной, начинал описывать их в своем «Дневнике наблюдений». Получался калейдоскоп забавных миниатюр, способный со временем перерасти во что-то более крупное.

В те дни, когда Герман не приходил ночевать или был в отъезде, Илья Петрович скучал. Писать ему было нечего, ругаться не с кем. Звуки, доносившиеся из других квартир, больше не вызывали у него прилива «социальной активности».

Как ни крути, но с появлением Бордюжи жизнь Баранца стала интересной и наполненной. Этот худосочный вейпер напоминал ему самого себя в юности и где-то в глубине души даже нравился. По отношению к соседу Илья Петрович вел себя как энергетический вампир, подзаряжаясь от парня во время каждого скандала.

Похоже, то же самое происходило и с молодым человеком, которому были необходимы сильные энергетические выбросы пенсионера. Если тех какое-то время не было, Герман их провоцировал, манипулируя болезнью Баранца. То, что последний нездоров, он понял сразу. Как только подключили Интернет, Бордюжа заложил в поисковик «непереносимость громких звуков» и убедился, что у соседа гиперacusия — болезненное состояние, при котором даже слабые звуки воспринимаются чрезмерно интенсивными, приводящими к болезненным ощущениям, нервозности и нарушению сна.

«Прискорбно, но это не дает деду права портить жизнь окружающим, — подумал молодой человек. — Надо его приучить к мысли, что после каждого агрессивного выпада будет следовать „звуковая ответка“».

А ответить Герману было чем. Он был обладателем обширной «коллекции звуков». Чего только не было у него в компьютере: визг тормозов, хрюканье свиней, пиликанье на скрипке, слоновий топот, женский плач, скрип несмазанных дверных петель... Какие-то звуки он записал «с натуры», какие-то создал при помощи синтезатора, какие-то усилил и видоизменил. С их помощью можно было свести с ума кого угодно, а уж больного гиперacusией старика и подавно.

Введение в действие «пилотного проекта» не заставило себя долго ждать. После очередной истерики, связанной с бурной реакцией Германа на проигрыш его футбольной команды, Баранец полночи вынужден был слушать мусульманские молитвы. Засыпая под монотонное: «Куль хува лаху ахад. Аллааху ссомад. Лям ялид ва лям юу-ляд...», он мысленно поклялся соседу, что месть его будет страшна и безжалостна.

Едва проснувшись, Илья Петрович отправился на птичий рынок, где по дешевке купил парочку крыс, вонючих, уродливых, с паразитами в шерсти.

— Бери, папаша, — годные пасюки, — отрекламировал свой товар продавец-алкаш, слонявшийся с самодельной клеткой меж торговых рядов. — Грызут все, до чего дотянутся: продукты, мебель, подушки, одежду, провода... Бабу мою на днях едва не сожрали, когда та по пьяному делу массу давила.

«Самое то! Не милые декоративные крыски, заполонившие все прилавки, а настоящее зоологическое оружие!» — радовался Илья Петрович, возвращаясь домой.

Ловко перебросив грызунов на балкон соседа, пенсионер удовлетворенно потер руки: «Вот так! Это тебе не вейп парить!»

Дверь в комнату Герман обычно не закрывал, и «диверсанты» беспрепятственно проникли в жилое помещение. Судя по доносящимся из-за стены звукам, операция «Беспредел» проходила успешно.

Как ни странно, появление незваных гостей Бордюжу не впечатлило. Он быстро поймал вредителей и отснял на телефон причиненные ими убытки. Затем вызвал хозяйку квартиры, представителей ЖЭУ и санитарно-эпидемиологической станции, пообещав им написать жалобу в Роспотребнадзор и выставить «крысиный ролик» в Ютуб. В итоге ему уменьшили арендную плату, а во всем доме началась дератизация. ТСЖ создало специальную комиссию, и та стала обследовать квартиры, граничащие с жильем Германа. Попал под раздачу и Баранец.

А спустя три дня «стройка века» переместилась в их подъезд. С утра до ночи в помещении стучали молотки, гремели ведра, гомонили таджики. Последние стеклили окна подвалов, заделывали щели в районе лифта и мусоропровода, устанавливали сетки на вентиляционные отверстия...

От всего этого Илья Петрович едва не попал в больницу. У него кружилась голова, дергалась щека, давление прыгало, как бешеный кенгуру. Старик сто раз проклял тот день, когда в его голову пришла мысль использовать в войне с соседом «эффективное зоологическое оружие».

Какое-то время Баранцу было не до Бордюжи, и тот безнаказанно слушал музыку, смотрел порнушку, общался с друзьями по скайпу. Но не все коту Масленица. Ког-

да Илья Петрович вынул из ушей пропитанные облепиховым маслом тампоны, он услышал, как сосед обсуждает с кем-то по телефону *его*, Баранца.

«Да ладно тебе! — смеялся Герман. — Прикольный дед, на моего, покойного, похож. Такой же вредный и нудный. Старость, как известно, не радость, а маразм, соответственно, не оргазм. В его возрасте мы с тобой сами будем яд сдавать в медицинских целях».

— Маразм, значит? — вскипел Баранец. — Я тебе, удалбыш бухенвальдский, устрою маразм. Сам побежишь в психушку сдаваться.

Следующее утро Илья Петрович встретил на балконе с отверткой в руках. Как только фигура Бордюжи скрылась за углом, он бросился откручивать шурупы, на которых крепилась разделяющая балконы гофрированная перегородка. Заржавевшие от времени болты подались не сразу, но торопиться было некуда — Герман возвращался домой не раньше семи.

Проникнув на «вражескую» территорию, пенсионер с удовлетворением отметил, что сосед — редкий засранец. Балкон был захламлен пустыми коробками и пластиковыми бутылками. В самой квартире порядком тоже не пахло. На всех вещах — слой пыли, постель не убрана, одежда разбросана. Динамик компьютера упирался как раз в ту точку, где у Баранца — изголовье спального места. «Вот почему его звуки бьют по мозгам, как церковные колокола», — понял он наконец.

Рядом с компьютером — немытая пиала с засохшей рисовой кашей, три одинаковых чашки со следами кофе и вакуумная упаковка от копченого сыра. Стена, граничащая с квартирой Ильи Петровича, вся в навесных стеллажах и полках. На них — множество книг, журналов, компьютерных дисков, настольных игр, баночек с курительными смесями. Телевизора в квартире не было, зато наличествовали мощный вентилятор и допотопный патефон «времен очаковских и покоренья Крыма». Последний, к радости пенсионера, не работал. По-видимому, был памятью о вредном деде-покойнике. Платяного шкафа у Германа тоже не наблюдалось. Его роль исполняли небольшой комод, вешалка-штанга на колесиках и... стоящий в углу комнаты скелет в байкерской куртке и мотоциклетном шлеме.

Ни ковриков, ни картинок на стенах, ни занавесок на окнах Баранец не обнаружил. Да что там коврики, отсутствовал даже холодильник, а стало быть, и еда. По всей видимости, Бордюжа питался в забегаловках или ежевечерне приносил домой что-то съедобное.

В подобной обстановке хитрый план Баранца летел в тартарары. Пугать соседа полтергейстом целесообразно лишь тогда, когда все вещи лежат на своих местах, а вокруг — чистота и порядок. Тут же — сам черт ногу сломит. Парень даже внимания не обратит на работающий компьютер, разбитую чашку или пропавшую майку. «В таком случае надо действовать от противного», — после некоторого раздумья решил старик, приступая к уборке квартиры.

Он сложил разбросанную одежду ровной стопочкой, застелил диван, унес в мойку грязную посуду, везде вытер пыль, собрал в хозяйственный мешок все бутылки, вложил друг в друга пылящиеся на балконе картонные ящики. Уходя к себе, Мизантроп прикрыл балконную дверь и приладил на место снятую перегородку.

— Вот так, — потер он руки в предвкушении вечернего представления. — Это тебе не спиннер крутить. Тут голова нужна. Субботник, проведенный «духами тимуровцев», любого заставит усомниться в собственной адекватности. После третьего сеанса ты сам сбежишь из «нехорошей квартиры».

Дождаясь соседа, Илья Петрович весь извелся. В своем воображении он проигрывал различные варианты реакции недруга на «шалости домового» — от обморока до вызова съёмочной группы с телевидения. Но... не так судьба велела.

«Прикинь, в мое отсутствие приходила хозяйка квартиры и вылизала всю хату, — делился Герман с кем-то по телефону. — В прошлый раз я ее здорово прессанул Ютубом... Ну, тогда, с крысами, дай им бог здоровья... Еще как повезло! Плачу по минимуму, теперь еще и на приходящей прислуге экономлю. Хорошая идея, ха-ха-ха... Это я ей еще за сумасшедшего соседа счет не выставил... Ну да, будет мне портки стирать и пятки чесать, ха-ха-ха... Ща пацанам расскажу, они офигеют». Забулькал скайп, и Герман повторил «свежий прикол» новому собеседнику. Потом еще и еще одному.

Услышанное настолько взбесило пенсионера, что тот потерял над собой контроль. «Ты рот свой закроешь когда-нибудь? — визжал Баранец, стуча кружкой по батарее. — Помолчи хотя бы полчаса!»

Из-за стены тут же раздалось мычание коров, за ним — жуткое уханье совы, сменившееся истерическим хохотом и похоронным маршем Шопена. Дебильный визг свинки Пеппы и ее братца Джорджа стал контрольным выстрелом в голову старика.

Илья Петрович побледнел, как-то обмяк и, шатаясь, пошел к аптечке. В квартире Баранца запахло корвалолом. Какое ж сердце выдержит подобные издевательства?

Спустя три дня Герман обнаружил на арендованной жилплощади полный разгром. По всей квартире были разбросаны пластиковые бутылки, комод выворочен, как после обыска. Джинсы висели на люстре, байкерская куртка — на вентиляторе, скелет лежал в ванне с водой. На полу в кухне валялись черепки от разбитой чашки и горшка с геранью, доставшихся ему в наследство от предыдущей жилички. На подоконнике — лужа от чайного гриба, который он так старательно выращивал. Все баночки с курительными смесями находились в мусорном ведре, а мусор — в бельевой корзине.

— Ох, ничего ж себе! — всплеснул парень руками. — Как Мамай прошел!

— То-то же! — хихикнул за стеной Илья Петрович. — Это тебе не на гироскутере гонять!

Какое-то время в квартире Бордюжи было тихо. Потом начались телефонные переговоры. Большинство собеседников убеждали Германа, что его квартирная хозяйка сошла с ума и, возможно, уже находится в специализированном заведении. Сам же молодой человек придерживался версии «барабашка» и сожалел о том, что не отблагодарил последнего молочком, когда тот в прошлый раз сделал в доме уборку.

Обрадованный услышанным, Баранец издал клич триумфатора. Теперь «обиженный домовый» будет мстить Герману регулярно. До тех пор, пока тот не съедет с квартиры.

Вскоре у Бордюжи накопилось три отгула. Он собирался провести их на природе, но аномальная жара внесла в его планы свои коррективы. Парень весь день лежал под вентилятором, предаваясь раздумьям о судьбах человечества. Делать ничего не хотелось. Настроение было скверным, башка трещала, глаза так и норовили вылезти из орбит. За окном в режиме нон-стоп носились кареты «скорой помощи», оглашая округу своими сиренами. Если молодняк не выдерживает, что говорить о пожилых гипертониках?

«Кстати, деда моего давно не слышно, — встревожился вдруг Герман. — Как в одиннадцать сортир посетил, так больше — ни звука. Это на него не похоже. Если б уснул, его храп заглушал бы шум моего вентилятора. Если б ушел, хлопнула бы дверь, звякнули ключи, заскрежетал лифт. Как бы не скопытился... Где я еще такого приколиста найду?»

Герман постучал кулаком в стену, затем гантелей по батарее — никакой реакции. Тогда парень нашел в компьютере нужные файлы и включил динамики на полную громкость. Сначала протяжно выли волки, потом плакали младенцы, цокали каблук, пели цыгане, стучали африканские тамтамы... Бордюже стали колотить по батарее соседи сверху и снизу. И только Илья Петрович молчал как рыба.

Молодой человек понял: случилось что-то серьезное. Он выскочил на лестничную площадку, стал давить на звонок соседа, дергать его дверную ручку — тишина. Вернувшись к себе на балкон, Герман высунул голову за пластиковую перегородку:

— Ау, Мизантроп, ты живой?

Ответа не последовало.

— Эй, дед, отзовись. Я волнуюсь. Вдруг тебя черные риелторы в психушку упекли, чтоб завладеть твоими квадратными метрами...

Исчерпав все методы, дозволенные Уголовным кодексом, Бордюжа стал откручивать перегородку. Спустя пару минут он уже стоял в квартире соседа.

В комнате никого не было. Везде — чистота и порядок: ни пылинки на добротной дубовой мебели, ни соринки на толстом ворсистом ковре. Интерьер хорошо продуман, каждая вещь идеально вписана в пространство. Нигде нет ничего лишнего. Рядом с современным плоским телевизором на специальной подставке висят наушники. Вот почему в десять вечера в его квартире резко обрывается звук «зомбоящика». Выходит, старик не просто проповедует, но и сам соблюдает порядок.

Ни в кухне, ни в коридоре парень соседа не обнаружил. «Как же он умудрился так бесшумно слинять? — удивился он. — Обычно Мизантроп передвигается, как „лягушонка в коробчонке“ из известной сказки».

Герман уже собирался уходить, как вдруг заметил, что в ванной комнате горит свет. Парень распахнул дверь и от неожиданности вскрикнул. Баранец лежал в заполненной водой ванне. Глаза у него были закрыты, кожа бледная, почти белая, лицо перекошено.

«Неужели помер? — запаниковал Бордюжа. — Нет, так дело не пойдет!» Он схватил руку соседа. Пульс был слабым, едва уловимым. Но был!

Пока ехала «скорая», Герман перетащил старика на диван, завернул его в махровую простынь, брызнул в рот аэрозолем с нитроглицерином, который обнаружил на тумбочке рядом с креслом-качалкой.

— Инфаркт, — подтвердили медики его худшие опасения. — Что ж вы, молодой человек, не уследили за дедом? Понятное дело, пекло, но лезть в ванну с холодной водой в его возрасте — преступная халатность.

— Виноват! — развел тот руками. — Я поеду с вами.

Как только Баранца из реанимации перевели в общую палату, Бордюжа явился к нему с пакетом, набитым соками, фруктами и детским пюре. Принес тапочки, спортивные, смену белья, очки, беруши, сборник сканвордов, ручку, свежий детектив и MP3-плеер, куда закачал двести лучших песен советского периода.

— Ну, как ты тут? — присел Герман на край кровати. — Всех уже достал или через одного?

Весь опутанный трубками, шлангами и капельницами, Илья Петрович виновато улыбнулся, по его щекам потекли слезы.

— Здравсьте-пожалуйста! — потянулся парень за бумажными салфетками. — А я это... решил перегородку обратно не прикручивать. Будем с тобой в гости друг к другу ходить. Стол на балкон поставим, станем чаевничать, в нарды играть, козни соседям строить...

— Прости, сынок, — едва слышно прошептал Баранец. — У тебя в хате набезобразничал не домовой...

— Знаю, дед. У меня установлена камера видеонаблюдения с датчиком движения.

Глаза Ильи Петровича полезли на лысину, отполированную долгими годами безупречной службы.

— А как же твои разговоры с друзьями... о хозяйке квартиры... обо мне... о барабашке?

— Театр одного актера, — рассмеялся Герман. — Весь билет продан. Тебе!